Ю. Махина
Гр. Хаит

Мальчик из Симбирска

Ю. Махина
Гр. Хаит

Мальчик из Симбирска

Документальные рассказы о детстве и юности В. И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ · МОСКВА · 1966

Художник
В. ГАЛЬДЯЕВ

Наш маленький друг, раскрой эту книжку и внимательно прочитай её. Она расскажет тебе о человеке, имя которого знают все люди на земле, — о Владимире Ильиче Ленине.

Из этой книжки ты узнаешь, как рос Владимир Ильич, о его родных, о городе, в котором он родился и где прошли его детство и юность. Ты спросишь, откуда мы это узнали? Охотно ответим.

Кому не знаком в нашей столице Москве на Советской площади большой красный дом, где находится Московский Совет? А через дорогу, за липовым сквером, есть такой же высокий дом, только белый. Это Центральный партийный архив. В этом доме глубоко под землёй есть большая-большая комната. А в ней в особых шкафах-сейфах хранятся драгоценные документы — рукописи и письма Владимира Ильича Ленина. В этом же здании находятся документы родных Ильича, его друзей и товарищей по революционной работе.

В хранилище всегда прохладно и тихо. Документы не любят ни жары, ни сырости, ни шума. Среди документов есть и те, которые рассказали нам о детстве и юности Владимира Ильича.

Долго путешествовали документы, прежде чем попасть в хранилище. Побывали они и в Симбирске, ныне Ульяновске, в Казани, Самаре, Киеве, Москве, Саратове, Вологде, Петербурге и снова вернулись в Москву.

Как они уцелели? Чья добрая рука сберегла их? Прежде всего мы должны быть благодарны за это матери Владимира Ильича — Марии Александровне и его сёстрам Анне и Марии Ульяновым. Дети Марии Александровны все стали революционерами. Аресты и ссылки обрушивались то на одного, то на другого из них. Из одной губернии в другую, с одной улицы города на другую кочевала Мария Александровна со своими детьми. Вот она приехала из Москвы в Петербург, чтобы хлопотать о Владимире Ильиче. Он тогда отбывал ссылку в Сибири.

— Можете гордиться своими детьми! Одного повесили, а о другом плачет верёвка! — надменно сказал главный жандарм, директор департамента полиции.

Мария Александровна тотчас встала со стула и, не скрывая презрения к царскому чиновнику, сказала гордо:

— Да, я горжусь своими детьми!

Вот она в Киеве, где арестованы её дочери Анна Ильинична, Мария Ильинична, сын Дмитрий Ильич и невестка Антонина Ивановна. Мария Александровна хлопочет о них.

Прошёл недолгий срок, а она уже в Саратове, где снова арестованы её дочери. Потом в Вологде разделяет нелёгкую ссылку младшей дочери!.. И так всю жизнь! Посмотрите паспорт Марии Александровны. Почти все страницы испещрены штампами и росчерками. Более 30 прописок! Столько раз за очень небольшое время пришлось Марии Александровне переезжать с места на место.

И повсюду она возила с собой, как самое драгоценное, школьные тетради, рисунки, письма своих детей... Как зеницу ока берегла она жёлтый чемодан из тонкой фанеры, где всё это хранилось. А сколько раз в тяжёлые минуты перелистывала Мария Александровна незатейливые ребячьи страницы, перелистывала и переносилась в далёкие годы, в Симбирск!

Давайте перенесёмся и мы в далёкое прошлое жизни Ульяновых. Войдём в хранилище, возьмём ключ и откроем один из шкафов-сейфов. На нас смотрят жёлтые и белые папки. Раскроем одну из них, где хранятся письма Ильи Николаевича. Прочитаем вот это и представим такую картину. Вернувшись из долгой поездки по трудным весенним дорогам, Илья Николаевич сидит в своём кабинете и пишет. На стене, за чернильным прибором, висит вышитая дочерьми бумажница. Они подарили её Илье Николаевичу ко дню рождения. Только что Илья Николаевич был во дворе, в саду, где идёт весёлая работа. Саша и Володя окапывают деревья, рыхлят землю на грядках. Аня и Оля вместе с Марией Александровной сажают цветы. Маняша и Дима, самые младшие, помогают им.

Илья Николаевич улыбнулся, и из-под его пера на бумагу легли такие строчки: «Наконец-то весна начинает вступать в свои права: на днях только начали копаться в саду: сажать вишню и кое-что пересаживать».

В тёплую погоду во дворе, в саду устраивались и тихие игры. Кто больше вспомнит городов на одну букву? Кто составит шараду потрудней? Кто без запинки скажет «на дворе — трава, на траве — дрова?»

Ты любишь эти игры, но не знаешь, что когда-то в них играл и Володя Ульянов.

Из воспоминаний Анны Ильиничны мы узнали, что Володя подмечал слабую струнку каждого, но никогда не задевал маленьких и слабых. Младшую сестрёнку Маняшу Володя очень любил. Он часто называл её «пичужкой», и, забавляя, высоко поднимал вверх, подхватив сзади под локти. Из сосновой коры, из дерева искусно вырезал лодочки, а потом дарил их младшему брату Мите. В старом каретнике Володя устроил себе перекладину-трапецию, ловко упражнялся сам и учил этому Митю.

Ты видишь фотографию дома, в котором жил Володя Ульянов, и двора, поросшего травой. По той лестнице, что стоит слева, забирался он с сестрёнкой Олей на чердак. Там всегда царил полумрак. Толстые брёвна, которые поддерживают крышу, нависают так низко, что и малыш не пройдёт во весь рост. Закроешь дверь, лучики солнца пробиваются сквозь щели, и кажется, что ты вовсе не в Симбирске, а где-то далеко, в Америке, среди индейцев.

Раскроем папку с воспоминаниями младшей

В этом доме с 1878 по 1887 год жила семья Ульяновых

сестры Владимира Ильича Марии Ильиничны и узнаем, что Володя и его средняя сестра Оля были неистощимы на выдумки различных игр, бегали по саду и двору, лазили по деревьям, забирались в сарай, на чердак. Однажды, когда все собрались к обеду, отец спросил: «А где же Володя и Оля?» Мать кивнула наверх и ответила: «Там, на чердаке, играют в индейцев». В саду «индейцы» устраивали шалаши, а младшего брата, Митю, отправляли в кухню за чёрным хлебом — мы, мол, голодны.

Надолго запомнились эти игры и Дмитрию Ильичу: «Помню, как-то однажды я забрёл в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю сидящей в каком-то шалаше из хвороста; пол шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-жёлтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костёр, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли был пристроен большой зелёный лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что всё это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооружённый луком и стрелами и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила, наконец, зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказов, что ему причинили много хлопот также «белые» люди, которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю... Володя изображал, каким он подвергался опасностям, и как, в конце концов, он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать чёрного хлеба с солью... и я был послан поэтому на кухню, но со

строгим наказом не выдавать ничего «белым» людям и скрываться.

Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял поручение... И как, насоливши два куска чёрного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, заметая свой след, и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свои новые стрелы, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с лёгкой лопаточкой на одном конце и тяжёлым куском чёрного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры в индейцев переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома».

А вот ещё фотография. Она на следующей странице. Володя, а рядом Оля. Володе — четыре года, Оле — два с половиной. Когда они были такими маленькими, они придумали...

А что придумали Володя и Оля, мы узнали из воспоминаний их старшей сестры Анны Ильиничны. «Иногда, при редких отлучках матери, нам, старшим, поручалось «присматривать» за младшими, но тут мы бывали обычно не на высоте задачи. Так, помню, что расшалившаяся мелюзга (оба были в возрасте до пяти лет) пустила раз в ход высшую, доступную ей, шалость бросаться из прихожей в залу калошами. Нас двоих, более смирного нрава, эта шалость сильно поразила, и вот, когда мы снова остались вчетвером... и малыши начали буянить, мы остановились глубокомысленно, как бы для военного совета, и стали шептаться — как быть?

Володя и Оля Ульяновы

— Они ещё, пожалуй, калошами кидаться станут? — опасливо предположил кто-то из нас.

Ухо младших уловило это опасение, и — бац! — калоши полетели в чистенькую зальцу, в диван, только что обитый красным с разводами ситцем...

Мать по возвращении, очевидно, тотчас проникла в суть происшедшего, ибо прервала наши тревожные возгласы спокойным и твёрдым: «Это пустяки! Этого делать не надо!» И, совсем не распекая «преступников», а посмотрев более укоризненно на старших, повела всех за собой и заняла чем-то».

А чем? Хочешь узнать? Тогда прочитай, что рассказала об этом Анна Ильинична:

«Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле её юбки, и её постоянное общество, её участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни... Особенно ясно запечатлелась её игра с нами... на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживлённо рисовала нам... зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи...

Моё детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней...»

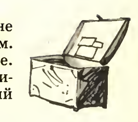
А вот ещё рассказ, на этот раз самой младшей из Ульяновых — Марии Ильиничны:

«Я ребёнком сижу рядом с матерью. Она с работой, и у меня в руках носовой платок, который я должна подрубить. Работа не очень интересная, так бы и побежала... по двору и саду,

Маняша — самая младшая в семье Ульяновых

но мать умеет ласково удержать меня, скрашивая труд своими рассказами, и я благополучно доканчиваю работу. А когда подхожу к последнему краю платка, то с удивлением нахожу кусочек шоколада, завёрнутый в бумагу и приколотый к моей работе. Удивлению моему нет границ: платок был всё время у меня в руках, и

объяснить себе появление шоколада я никак не могу — это кажется мне каким-то волшебством. А мать ласково улыбается на моё недоумение. Она так ловко придумала этот фокус, что я ничего не заметила». Шоколада был маленький кусочек, но Маняша поделилась с Димой...



На праздники, когда детям дали по шоколадке «Ваниль», они, не сговариваясь, принесли по половинке плитки няне, а картинки наклеили на крышку её большого жёлтого сундука. Эти картинки ты и сейчас сможешь увидеть, если побываешь в Ульяновске, в Доме-музее Владимира Ильича Ленина.

Эти фантики от шоколадок и рисунки Володя и Оля наклеили на крышку няниного сундука. Они до сих пор целы и находятся в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске

Столовая в доме Ульяновых. Здесь не только обедали, но играли, делали уроки (потому и географические карты на стене), слушали музыку, читали свой домашний журнал «Субботник»

Очень тепло вспоминает о няне Мария Ильинична...

«В доме у нас была собачка, по кличке Garson — Гарсон, которую наша старушка няня, жившая у нас в доме... называла Кальсонкой. Раз вечером кто-то из мальчиков — у нас жили в то время дети Персианиновых — гимназисты — зовёт меня наверх, в их комнату, чтобы посмотреть фокус. Я иду вместе с няней и, затаив дыхание, смотрю на ящик от маминой машинки, который сам двигается по полу то в одну, то в другую сторону. Изумлению моему

нет конца, но изумление это переходит в отчаяние, когда ящик приподымают, и под ним оказывается наша собачонка. Я заливаюсь горькими слезами, и даже обещание няни дать Кальсонке сейчас же говядинки плохо способствует моему успокоению. Но тут появляется Владимир Ильич, и его уверение, что с собакой ничего не произошло, оказывает своё действие.

А вот и зима. Мы летим с Владимиром Ильичём на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти».

Няню Варвару Григорьевну все очень любили. Войдёт, бывало, она с подносом, покрытым белой хрустящей салфеткой, в столовую, окинет всех взглядом из-под мохнатых, сросшихся над переносицей бровей. Взгляд будто строгий, а потом улыбнётся так, что ямочки на щеках появятся, и скажет свою любимую присказку:

— Ешьте ладушки-оладушки.

И говорит она эту присказку, даже если на блюде пироги с яблоками или печенье, а вовсе не оладушки.

Случалось, няня жаловалась на свои очки. И тогда Володя брал очки, протирал их, и они снова «работали» хорошо.

Все дети в семье

Эту дощечку выпилил лобзиком Саша Ульянов

Ульяновых любили мастерить. Многие вещи в доме были сделаны их руками. Володя сам выстрогал, склеил и покрасил книжные полки.

Саша, когда только начал учиться в гимназии, выпилил лобзиком дощечку для хлеба. Ты видишь, какая она кружевная, узорчатая, а в середине по-немецки написано «хлеб». Правда, Саша в немецком слове не сумел выпилить до конца последнюю букву, зато видно, с каким старанием сделана эта дощечка. На ней в столовой часто резали хлеб.

Аня умела клеить абажуры, вышивать рубашки. Маняша училась шить и вязать, а Дима вырезал из картона солдатиков. Оля искусно вышивала гладью и крестом. До сих пор в гостиной дома, где жили Ульяновы, хранится вышитая ею подушка. Теперь в этом доме — музей.

Вот о чём рассказали нам воспоминания и старые письма. Строчки, прочитанные в одном из них, помогли нам найти...

Об этой находке рассказ особый.

ГИПСОВЫЙ КРИСТАЛЛ

Все дети семьи Ульяновых очень любили приходить в кабинет отца. Сколько там было интересного, нового! Илья Николаевич был инспектором, а потом и директором народных училищ Симбирской губернии. Он много ездил по деревням, по уездным городам. В его кабинете перед очередной поездкой по школам часто бывали сложены очень интересные вещи. Здесь в картонках и папках были рисунки диковинных за-

На этом снимке вся семья Ульяновых: Илья Николаевич, Мария Александровна и их дети: Аня, Саша, Володя, Оля, Дима и Маняша

морских животных и растений, географические карты с нанесёнными на них маршрутами плаваний великих путешественников, картинки с изображениями жителей разных народов России в национальных костюмах, гербарии, коллекции минералов и насекомых. Всё это Илья Николаевич приобретал для народных училищ. Очень интересно было такое разглядывать.

Но кроме диковинок, которые привозил отец, немало диковинок было и у старшего брата Саши.

Саша Ульянов учился в Петербурге в университете, а летом приезжал на каникулы домой, в Симбирск. Саша часто уходил на берег речки Свияги с небольшим ведёрком и рыл там... червей. Нет, не для рыбалки. В летней кухонке на небольшой дощечке он разрезал их, рассматривал и что-то записывал в толстую тетрадку. Саша изучал червей. Во время своих походов Саша брал с собой на Свиягу то Володю, то Диму.

Там, где Свияга, петляя, сворачивала к городу, берег был крутой, но мягкий и сыпучий. Сделаешь шаг, а земля так и сыплется из-под ног. Цепляясь руками за редкие кустики, Дима взбирался наверх, чтобы лучше рассмотреть Симбирск; отсюда среди других домов можно было увидеть и свой. Ещё полшага — и крутой берег позади. Дима поскользнулся, но чудом удержался, не покатился вниз.

Вовремя подоспел Саша. Он помог младшему братишке подняться. Дима разжал кулаки, полные земли, хотел было её швырнуть, но увидел в правой руке блестящий камень. Таких он раньше не находил. Камешек понравил-

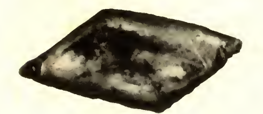
Дмитрий Ульянов

ся и Саше. Дома Дима склеил из плотной бумаги коробочку и вложил в неё камешек. При отъезде Саши в Петербург сунул коробочку ему в карман и сказал:

— Это тебе на память!

Прошло немало времени. Дима уже почти совсем забыл о кристалле. И вдруг в одном из

писем Саша просит отца: «Диме передай, что гипсовый кристалл взяли в наш музей». Не забыл Саша и просьбы Володи о книгах и просьбы Оли о нотах: «Книги, о которых просит Володя, а также ноты Оле я поищу на днях»,— дополнительно сообщал он в письме. Это письмо Саши сохранилось. Прочитав его, мы решили узнать — сохранился ли кристалл? Где он может быть? Можно ли его найти?



Найден в Симбирске в Июне 1885 г. Ал. Ульянов

Кристалл, найденный Димой, и записка, которую написал Саша, когда сдавал этот кристалл в минералогический кабинет университета

Письмо Саши привело нас в Ленинград. На берегу Невы, у гранитной набережной, почти на целый квартал протянулся красивый дом. Это Ленинградский государственный университет. Долго пришлось идти по длинным, гулким коридорам, потом мерить шагами лестницы. И вот, наконец, заветная дверь. На ней узенькая табличка «Минералогический кабинет геологического факультета». В шкафах на многих-многих полках — разноцветные камни.

Мы знали только год, когда Александр Ульянов передал кристалл в музей. Но этого оказалось достаточно, чтобы в скором времени отыскать то, что нужно. Кристалл под номером 24/5276 лежал в одном из многочисленных ящичков небольшого шкафа, похожего на пианино. Он был завернут в твёрдую белую, но уже пожелтевшую по краям бумажку, на которой написано: «Найден в Симбирске. Июнь 1885 г. Ал. Ульянов».

Вот что помогла нам узнать одна строка из Сашиного письма.

ТАК ОНИ УЧИЛИСЬ

В доме Ульяновых любили порядок. Для каждой вещи было своё место. Дети настолько привыкли к этому, что никому из них и в голову не пришло бы бросить вещь, где попало. Придя из гимназии, каждый не забывал повесить на место своё пальто или шинель, шапочку или фуражку, переодеться, помыть руки. Аккуратно выложить из ранца книги и тетрадки на свой стол. Если бы в один из таких обычных дней мы взяли в руки тетрадку Оли Ульяновой, то увидели бы там её сочинение «Как я училась грамоте». Оля рассказывала:

«Мне было 4 года, когда моего старшего брата (*Володю. Авт.*) начали учить грамоте. Я была очень дружна с братом и не хотела от него отставать. Мои родители не учили меня, думая, что я ещё мала и мне будет трудно, но у меня была большая охота учиться, и я выучилась».

Сочинение было написано без поправок и ошибок, и под ним стояла самая высокая тогда в женских гимназиях отметка — 12. Вот Олин

Мѣсяцъ Ноябрь 1885 года.

Къ какому дню.	Изъ какого предмета.	ЧТО ЗАДАНО.	Баллы
Къ Понедѣльнику. 4-го	Географія	Границы, климатъ и города Португаліи	12.
	Нѣмецкій	Otto [illegible] и синтаксисъ.	
	Французскій	"Littérature" Boudeault	
	Педагогика	Старый урокъ.	12
	Математика	2 задачи	

В 1885 году Оле Ульяновой было 12 лет, и почти по всем предметам она тогда получала «дюжинки» — самые высокие отметки

школьный дневник. Даже через много лет дневник может рассказать, каким был его хозяин: аккуратным или неряшливым, прилежным или ленивым, дисциплинированным или разболтанным. Расскажет дневник и о том, как его хозяин учился. Посмотри на кусочек странички Олиного дневника и ты увидишь, как аккуратно записывала она домашние задания. А как чудесно рисовала Оля! Сохранилось много её рисунков. Некоторые из них ты видишь в этой книжке.

Очень бы хотелось заглянуть и в дневник Володи Ульянова, но он, к сожалению, не сохранился. Зато сохранился его табель за четвёртый

Оле Ульяновой двенадцатый год

класс, весь испещрённый пятёрками и внизу которого написано: «переведён с 1-й наградой». Из гимназических работ Володи Ульянова до нас дошла только одна домашняя работа по

ученикъ „ IV „ класса Ульяновъ Владиміръ

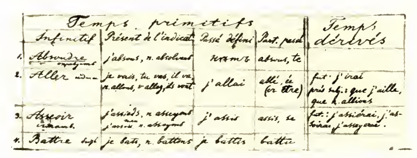
ПРЕДМЕТЫ УЧЕНІЯ.		Съ 16-го Августа по 16-е Октября.				Съ 16-го Октября по 20-е Декабря.				Съ 7-го Января по 15-е Марта.				Съ 15-го Марта по 15-е Іюня.				Отмѣтка годовая.	Отмѣтка по экзамену.	Средній выводъ.
		Успѣхи.	Вниманіе.	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Успѣхи	Вниманіе.	Прилежаніе	Число проп. уроковъ	Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе	Число проп. уроковъ			
Законъ Божій.	Священная Исторія.																			
	Ученіе о Богослуженіи.																			
	Катихизисъ.		5	5	"	5	5	5	"	5	5	5	–		5	5	–		5	5.
	Церковная Исторія.																			
Русскій съ Славянскимъ языкомъ и словесность.			5	4	"		5	5	1.	5.	5	5	"	5	5	5		5	5/5	5
Логика.																				
Латинскій языкъ.			5	5	-	5.	5	5.	2.		5	5	"		5	5	"		/5	5.
Греческій языкъ.			5	5	"		5	5	2.		5	5	"		5	5	"		5.	5
Математика.	Ариѳметика.																			
	Алгебра	5	5	5	–	5	5	5	2					5	5	5	"	5	/5	5
	Геометрія.																		/5	5.
	Тригонометрія																			
Физика																				
Математическая географія.																				
Исторія.			5	5.	–	5	5	5	'	5	5	5	–		5	5	"		5	5.
Географія.			5	5	–	5	5	5	1.	5	5	5	–		5	5	"		5	5.
Нѣмецкій языкъ.			5	5	"		5	5	1.	5	5	5	"		5	5	"		5 5	5.
Французскій языкъ			5	5	"		4	5	1.	5	4	5	–	5	5	5	"	5	5/5	5
Чистописаніе.																				
Средній выводъ.		5	5	5	"	5	5	5	10	5	5	5	"	5	5	5	"			
Поведеніе.		5				5				5				5						
Исправность тетрадей		5				5				5				5.						

Примѣчаніе: Перевед. с I-ю нагр.

В мужской гимназии самой высокой отметкой была тогда «пятёрка». Смотри — в Володином табеле за четвёртый класс по всем предметам одни «пятёрки»

французской грамматике. Учителя французского языка Пора́ Володя не любил. Но французский язык, красивый, певучий язык, которым так хорошо владеют родители, старший брат и сестра, нужно знать и учить, — так считал Володя.

Он аккуратно разлиновал сначала карандашом, а затем чернилами листы чистой бумаги и потом вписал в таблицу глаголы своим убористым, бисерным почерком — шестьдесят четыре глагола. Они заняли три страницы. Ты видишь начало первой.



	Temps primitifs				Temps dérivés
	Infinitif	Présent de l'indicat.	Passé défini	Part. passé	
1.	Absoudre [illegible]	j'absous, n. absolvons	нетъ	absous, te	
2.	Aller [illegible]	je vais, tu vas, il va, n. allons, v. allez, ils vont	j'allai	allé, ée (с être)	fut: j'irai prés. subj.: que j'aille, que n. allions
3.	Asseoir [illegible]	j'assieds, n. asseyons j'assois, n. assoyons	j'assis	assis, se	fut: j'assiérai, j'assoirai, j'asseyerai.
4.	Battre [illegible]	je bats, n. battons	je battis	battu	

Таблица французских глаголов, составленная Володей Ульяновым

Володя очень дружил с Олей. Их старшая сестра Анна Ильинична вспоминала, что «Оля — прекрасный товарищ, живая и очень способная девчурка — немного с мальчишескими наклонностями — не отставала от него». Однажды, когда они учились в гимназии, Оля заболела и попросила Володю передать записку своей подруге Вере Юстиновой. Вот она, эта записка, дошедшая до нас через десятки лет. Кажется, что

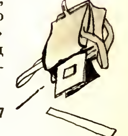
написана она только вчера. В записке Оля спрашивает о классных новостях: она больна и скучает по гимназии. Володя играет роль почтальона, приносит сестре письма подруг, а Олины ответы передаёт девочкам.

Рисунок и записка гимназистки Оли Ульяновой

Из рассказа Анны Ильиничны ты узнаешь, что, вернувшись из гимназии домой, Володя гулял около часа-двух на дворе, где очень любил играть в лапту, в салки и особенно в казаки-разбойники. Его всегда выбирали атаманом, и он не щадил себя, выручая товарищей. Был очень справедлив в игре и никогда не допускал драк. Он был сильный мальчик, и все более слабые были под его защитой. Он смотрел, чтобы никто никого не обижал. Терпеть не мог драк, никогда в них не участвовал и всегда прекращал игру, как только начинались недоразумения.

— Это не игра,— говорил он,— это безобразие, и я в нём участвовать не буду.

Тебе, конечно, интересно будет узнать о том, как готовили уроки Володя, Оля и их братья и сёстры. Дмитрий Ильич написал об этом так: «Везде и на всём лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своём кабинете. Наверху, в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой за большим столом сидит за шитьём или другой работой мать. Тут же около неё с книгами и тетрадями сидят сёстры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз, и начнётся шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что за шум? Чтобы я больше этого не слыхал!» И всё опять стихнет. В крайнем случае отец берёт провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу».



Комната Володи Ульянова

Володя обычно готовил уроки быстро, как правило, быстрее, чем Оля. А когда учился в шестом классе, то обычно последним расставался с учебниками. И всё потому, что несколько раз в неделю к нему приходил заниматься учитель — Никифор Михайлович Охотников.

Кто же кого учил? Оказывается, гимназист Ульянов— учителя Охотникова.

Удивительный человек был этот Никифор Михайлович, сын простого крестьянина-чуваша. И какой талантливый. Возьмёт задачник и решит одну и ту же задачу десятью разными способами. Когда Володя учился во втором классе, Никифор Михайлович держал экзамен на учителя и дал в Володином классе урок по арифметике. Какой это был интересный урок! Теперь Охотников решил поступить в университет, а

для этого нужно было сдать экзамены за гимназию. Многие предметы не беспокоили Никифора Михайловича. Но латынь и греческий ему давались тяжело. Тогда Охотников обратился за помощью к Владимиру Ульянову, и Володя взялся бескорыстно помочь человеку, который был на десять лет старше его.

Старшая сестра Аня как-то высказала сомнение — сумеет ли брат за два года подготовить Охотникова к экзаменам?

Володя задумался и серьёзно ответил:

— В гимназиях тратится на курс латыни восемь лет, а взрослый сознательный человек вполне может пройти этот курс за два года.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника [illegible] класса Владиміра Ульянова наградилъ его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Іюня 11 дня 1884 года.

Когда Володя Ульянов окончил пятый класс, его наградили «Похвальным листом»

Такой золотой медалью наградили Володю Ульянова по окончании гимназии

Володя оказался прав. Его ученик успешно выдержал экзамены.

Володе и Охотникову было интересно друг с другом. Любили они вместе посидеть, поломать голову над математическими задачами.

Часто они занимались в Володиной комнате.

Возвращаясь из гимназии, Володя, прежде чем подняться к себе наверх, непременно задерживался у дверей папиного кабинета и сообщал о своих успехах за день.

ЗАГАДКА НА БЕРЁЗОВОЙ КОРЕ

Помнишь, мы рассказали об Олиной записочке, которую она написала подруге Вере Юстиновой? Переписывался с друзьями по гимназии и Володя. Из всех его записок сохранилась только одна, та, которую он послал своему однокласснику Боре Фармаковскому. Она не написана, а... нарисована на берёзовой коре. Видишь — посередине пруд, в нём человечек, а от него затейливые линии тянутся ко всему остальному, что нарисовано вверху. А что это за человечки с длинными саблями? И почему справа вверху на

Письмо тотемами

земле лежит человек? Разгадка нашлась не сразу. Самим нам записку не удалось разгадать, и мы попросили принять участие в этом деле читателей «Пионерской правды». Со всех концов страны в редакцию приходили письма. Много разных догадок и предположений строили наши помощники, но письмо так и оставалось непрочитанным. Заинтересовался письмом кандидат технических наук В. Истрин, и он, нам кажется, наиболее удачно прочитал Володино письмо-рисунок. Как это удалось ему сделать?

Известно, что Володя любил играть в индейцев, и даже сам делал из перьев очень похожий на настоящий шлем вождя индейского племени.

А не воспользовался ли он и письменами индейцев? Ведь Володя много читал книг о жизни индейцев.

Догадка оказалась верной. В. Истрин сравнил письмо со старинными индейскими рисунками, с теми самыми, которые печатались в то время, когда Володя ещё учился в гимназии. Такие рисунки, а вернее, письма, написанные при помощи картинок, в далёкие времена посылали друг другу индейцы, и назывались такие письма тотемами.

Посмотри теперь на правый верхний угол Володиной записки, и ты прочтёшь, что там тоже написано: «Письмо тотемами». Ну, а зная всё это, можно прочитать записку? Можно!

Рисунки самовара, реки, аиста и другие рисунки, по-видимому, передают шутливые клички самого Володи и его товарищей по играм в индейцев. А линии, которые ведут от этих предметов к чернобородому человеку, купающемуся в пруду, означают, что просьбы всех шестерых направлены к нему. О чём же ребята просят этого человека?

Проголодавшись после охотничьих игр (посмотри, внизу рисунка шесть человечков с оружием, медведь, птицы в небе, а рядом шесть мордашек с раскрытыми ртами склонились над кусками колбасы, кувшином и над тарелкой с едой), дети как бы говорят взрослому человеку: «Видишь, мы есть хотим, заканчивай купаться, поскорее возвращайся домой и покорми нас». А что случится, если ребят не накормят? Об этом говорит фигурка в правом верхнем углу: если нас не покормят, мы умрём!

ТЯЖЁЛЫЕ ГОДЫ

В кабинете Ильи Николаевича Ульянова на письменном столе всегда лежала стопка небольших книжиц. Эти книжки он написал сам, рассказывая о том, как нужно учить ребят. Если вы раскроете страничку одной из книжек, то прочтёте там заветные слова, как нужно учиться, чтобы хорошо знать язык и историю своей Родины.

Илья Николаевич все силы отдавал тому, чтобы дети простых людей учились. Благодаря его стараниям в Симбирской губернии за короткое время было открыто более 400 школ. В любое время — и в зной, и в пургу, и в дождь — ездил Илья Николаевич по делам школ. Володя очень любил слушать рассказы отца о нелёгкой работе, о бедности крестьян. В этих беседах принимала участие близкая знакомая Ульяновых Вера Васильевна Кашкадамова. Сохранились её воспоминания. Вера Васильевна рассказывает:

«Вот разговор между взрослыми касается какого-нибудь серьёзного вопроса, и выражение лица сидящего против меня Володи резко меняется; он даже как-то крепче и плотнее усаживается на стул и, ссутулясь несколько, поглядывая на говоривших как-то исподлобья, причём упрямый завиток падал ему спереди на лоб, весь превращался в слух и внимание. По выражению его лица можно было прочесть его отношение к затронутому вопросу: оно было то одобрительное, то недоумевающее; порою брови его сдвигались. Время от времени слышались его короткие замечания: «Гм! Ну — да!», «Нет!»,

«Почему?» Видно было, что он близко принимал к сердцу то, о чём говорили старшие. Когда речь заходила о какой-нибудь несправедливости, то не только лицо, а вся фигура его выражала негодование».

День 12 января 1886 года был почти похож на многие другие дни. К полудню вернулись из гимназии Володя и Оля. Мария Александровна и приехавшая на каникулы Аня хлопотали по хозяйству, а Илья Николаевич работал в своём кабинете. К обеду он не вышел, пожаловавшись на головную боль, прилёг на диван. А через несколько часов... умер.

Прошёл ещё год. Володя учился уже в выпускном, восьмом классе. Оля тоже кончала гимназию. Аня училась в Петербурге на Высших женских курсах, а Саша — в университете. За успешную научную работу о кольчатых червях, которых он тщательно изучал и нещадно потрошил на каникулах в Симбирске, Саша получил золотую медаль.

Весной 1887 года письма от Саши стали приходить реже. И вот однажды, в начале марта, учительница Вера Васильевна Кашкадамова, большой друг семьи Ульяновых, пришла в гимназию и вызвала Володю.

Взволнованная и расстроенная, Вера Васильевна протянула Володе только что полученное письмо, в котором ей сообщали об аресте Саши и Ани, о том, что Сашу обвиняют в покушении на царя.

Володя прочитал и с тревогой сказал:

— А дело-то серьёзное. Оно может плохо кончиться для Саши.

Александр Ульянов

Володя принёс матери тяжёлую весть об аресте. Мария Александровна решила тотчас же ехать в Петербург. Володя и Охотников долго не могли найти попутных лошадей, которые довезли бы её до железной дороги. Никто не

Володя Ульянов — гимназист.
1887 г.

решался ехать с Марией Александровной, боялись: ведь у неё арестован сын. Да ещё за такое дело! Наконец Никифор Михайлович нашёл земляка-чуваша, который отвёз Марию Александровну в Сызрань к поезду.

Чтобы дети не оставались одни, мать перед

отъездом вызвала из Казани свою сестру — Анну Александровну. Володя остался старшим из детей. На его плечи легли сложные, недетские заботы. Володя мужественно принял их. Первое большое горе нежданно-негаданно пришло к нему год назад, когда скоропостижно умер отец. И в те трудные дни, как и теперь, Володя стал настоящей опорой для матери.

Когда близкие в беде, когда не знаешь, что с ними, долго и томительно тянутся часы и дни. Что с Сашей, с Аней? Как там мама в Петербурге? Трудно ей! Но Володя скрывает свою тревогу от младших. Он старается делать в доме всё так, как делала мама. Он проверяет уроки у Димы, возится с Маняшей, шутит, хоть на сердце совсем не радостно. А ночью, когда все уже спят, Володя с Олей долго, чуть не до рассвета, говорят о Саше, об Ане.

Саша всегда был любимцем семьи. Родителей радовали его способности, его серьёзность, вдумчивость. Братья и сёстры с живейшим интересом относились ко всему, что касалось Саши. А Володя был прямо влюблён в старшего брата. Он во всём хотел быть похожим на него.

Что требуется для того, чтобы быть полезнымъ обществу и государству.

Для полезной дѣятельности человѣку нужны 1) честность, 2) любовь къ труду, 3) твердость характера, 4) умъ и 5) знанiе.

Гимназическое сочинение Саши Ульянова

Когда Саше было всего пятнадцать лет, он написал сочинение: «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Вы видите здесь на фотографии начальные строки сочинения. В нём Саша писал, что нужно не только хорошо учиться, трудиться, но и «уметь управлять своей волей и выработать в себе твёрдый и непоколебимый характер».

Этим мыслям он был верен. Он выработал в себе твёрдый, непоколебимый характер... Он не останавливался ни перед какими трудностями и препятствиями. Он умел и любил трудиться. Ещё в гимназии он увлекался естествознанием, а химию, которую гимназистам тогда не преподавали, изучал сам.

В университете Саша Ульянов сразу завоевал любовь и уважение студентов. Один из них писал из Петербурга своему товарищу в Казань:

«...вот тебе портрет души Ульянова, а также и внешности его. Серьёзный, обыкновенно хладный, с умным выражением лица, он будто бы держит ум постоянно наготове и в разговорах и в делах...»

Царская охранка почуяла, что Саша и его товарищи представляют угрозу для царских порядков. За ними началась слежка. И всё же шпики не знали главного: что решено убить царя и готовится покушение.

Александр Ульянов и его товарищи ошибались, думая, что, убив царя, можно запугать правительство и вырвать у него некоторые свободы для народа. Но они надеялись на это.

Убийство царя Александра III — тупого, жестокого душителя свободы — было назначено на

1 марта 1887 года. Три студента в намеченный час ждали на Невском проспекте проезда царя. Ждали с бомбой, имевшей вид обыкновенной книги. Но в последнюю минуту их схватила полиция. Начались аресты. В числе первых был взят Александр Ульянов и заключён в одиночную камеру Петропавловской крепости. Их скоро судили.

В зале суда Александр Ульянов, улучив минуту, тихо, но внятно сказал товарищам:

— Говорите на меня. Я выдержу...

Когда настал его черёд выступать перед судом, он заявил страстно и смело:

— Моё намерение было помочь освобождению несчастного русского народа...

Прокурор перебил его грубым окриком, но Александр, повысив голос, продолжал:

— После нас явятся новые и новые сотни молодых людей... Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно.

№ 39. Воскресенье 10 Мая 1887 года. № 39.

ТЕЛЕГРАММА
СѢВЕРНАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА.

УТРЕННЯЯ.

Петербургъ. ... 10 лѣтъ каждаго; при-
... Волохова на 10 лѣтъ
куна и Волохова на 10 лѣтъ каждаго; приговоръ о смертной казни чрезъ повѣшеніе
надъ осужденными Генераловымъ, Андрюшкинымъ, Осипановымъ, Шевыревымъ и Ульяновымъ приведены въ исполненіе 8 мая.

Эта телеграмма сообщила о казни Александра Ульянова

Ночью осуждённых перевезли из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую и казнили там на рассвете 8 мая 1887 года.

Сообщение о казни было получено в Симбирске утром 10 мая. Газета «Симбирские губернские ведомости» выпустила экстренный листок. Страшная весть пришла и в домик на Московской улице, где четверо детей всё ещё жили одни и где Володя был за главу семьи.

Может быть, именно в эти тяжёлые дни Володя Ульянов впервые глубоко задумался о том, как же надо вести борьбу за освобождение народа. Может быть, тогда зародились впервые те мысли, которые предопределили его жизненный путь.

ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Большие изменения произошли в семье Ульяновых после смерти отца и казни Александра, старшего брата Володи. Семья покинула Симбирск и перебралась в Казань, там Володя должен был поступить в университет. Трудно было расставаться с домом, где прошли детство и ранняя юность, где так знаком и так близок сердцу каждый уголок. Милая речка Свияга, сад, просторный двор, напоминавший о весёлых играх, — со всем этим Володе пришлось проститься навсегда...

Лето 1887 года Ульяновы провели в маленьком именьице сестёр Марии Александровны — Кокушкине, расположенном в сорока верстах от Казани.

Аня Ульянова в год окончания гимназии. Она окончила её с большой серебряной медалью

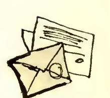
Здесь всё так же хмуро смотрели на улицу подслеповатые окна крестьянских изб. Во дворе по-прежнему рос густой колючий малинник,

прозванный маленьким Володей Ульяновым и его двоюродным братом Колей Веретенниковым «красным бором». От дома сбегали вниз, к реке Ушне, узкие тропы, протоpенные в густой траве. Всё так же плескалась вода о заплесневелые брёвна полузатопленной купальни.

Много радости приносили всем поездки на каникулы в деревню Кокушкино. Об этом рассказывает в своём гимназическом сочинении Оля Ульянова:

«В июне мы поехали в деревню, находящуюся в 40 верстах от Казани. До Казани мы ехали по Волге на пароходе; день был прекрасный, на небе ни облачка; летнее солнце, стоя высоко в небе, ярко освещало необозримую водную поверхность; местами отражение солнца в воде было так сильно, что больно было смотреть; вокруг всё было тихо, так тихо, как никогда не бывает на земле. Свежий ветерок уменьшал зной дня, и на пароходе было нисколько не жарко. Я почти всё время стояла на палубе и любовалась волжскими берегами, которые особенно хороши около Богородска. Мне так понравилась Волга, медленно катившая свои светлые воды, её красивые берега, быстрое движение парохода, что жаль было расставаться с этим, когда мы приехали в Казань. В Казани нам пришлось прожить два дня в ожидании лошадей из деревни... На третий... мы поехали в деревню...

Погода всё время стояла хорошая, и мы много гуляли по полям и лесам. Грустно мне было после трёх дней, проведённых так весело, ехать в город!»



Всё было теперь в Кокушкине как будто попрежнему и в то же время совсем иначе. Сколько забавных, весёлых историй рассказывал вон там, на веранде, Илья Николаевич Ульянов! Его нет. Никто никогда не услышит больше его голоса.

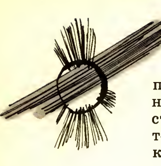
Нет и Саши. Ещё прошлым летом он приезжал сюда погостить на несколько дней, купался в Ушне и увёз с собой в Петербург «инфузорную» землю. Шкатулку с этой землёй у него отобрали во время обыска.

Но осиротевшая семья держалась дружно. Каждый был занят своим делом. Володя много читал, играл с Митей. Помогал готовить маленькую Маняшу во второй класс гимназии. Оля сидела за роялем или занималась английским языком.

В семье Ульяновых очень любили природу. Однажды за обедом Володя сообщил, что скоро будет солнечное затмение. Митя и младшие сёстры всполошились. Встав из-за стола, бросились запасаться дымчатым, а на худой конец, закопчённым стёклышком. Интересно, как всё это будет!

Когда затмение прошло, Оля села писать подруге:

«Хорошо ли было видно в Симбирске солнечное затмение? Здесь оно началось около 7 часов и продолжалось почти до ½ девятого, но полного затмения не было. Крестьян предупредили, что будет затмение, и не велели им в этот день выгонять скотину; некоторые из них не поверили, большинство же поняло так, что в пятницу должно быть землетрясение и что скотина в



поле провалится, и порядком струсило; наконец, некоторые... решили, что будет светопреставление. Когда солнце было наиболее закрыто, то в избах и комнатах было темно почти так же, как ночью...»

Оля собралась было идти на почту, как в дом принесли письмо из Петербурга. Мария Александровна разорвала конверт... и побледнела. Оля не видела её такой с того дня, когда стало известно об аресте Саши.

Оля помогла маме сесть. Взяла из её рук исписанный листок, прочитала. Какой-то полицейский чиновник предлагал Марии Александровне получить 15 рублей 22 копейки, отобранные у Саши во время ареста.

Сколько сил и старания приложили Володя с Олей, чтобы не напоминать маме о тяжком горе, недавно перенесённом семьёй! И вдруг такая подлость, такое злое издевательство!.. Мало им казни Саши, мало им того, что Аню выслали из Петербурга и она живёт здесь под гласным надзором полиции; мало того, что местный стражник бесцеремонно приходит к ним в дом!..

Тяжело было Володе после этого оставить маму. Но он должен был ехать в Казань — подавать прошение в университет...

ИНСПЕКТОР

Ровная, как стрела, Воскресенская улица Казани. Вдали маячит белая Спасская башня кремля. Неуклюжее жёлтое здание с каланчой на крыше — городское полицейское управление.

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорскаго Казанскаго Университета

Окончившаго курсъ въ Симбирской гимназіи, сына чиновника, Владиміра Ильина Ульянова

Прошеніе.

Желая для продолженія образованія поступить въ Казанскій Университетъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о принятіи меня на первый курсъ юридическаго факультета, на основаніи прилагаемыхъ при семъ документовъ, вмѣстѣ съ копіями съ оныхъ, а именно: а) аттестата зрѣлости, б) метрическаго свидѣтельства о времени рожденія и крещенія, в) формулярнаго списка о службѣ отца, г) свидѣтельства о приписке къ призывному участку по отбыванію воинской повинности и д) двухъ фотографическихъ карточекъ.
При семъ на основаніи § 100 Высочайше утвержденнаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ обязуюсь во все время пребыванія моего въ Университетѣ подчиняться правиламъ и постановленіямъ университетскимъ.

Окончившій курсъ въ Симбирской гимназіи Владиміръ Ульяновъ.

Городъ Казань. Іюля 29 дня 1887 года.

Прошение Володи Ульянова в Казанский университет

Совсем рядом, через дорогу, на целый квартал растянулось величественное белокаменное здание, увенчанное крестом, под которым золотыми буквами по белому камню написано: «Императорский Казанский Университет».

Владимир вошёл в университет и разыскал застеклённую дверь канцелярии инспектора.

За столом сидел сам инспектор — высокий, грузный. Он что-то читал и не поднял головы, когда Володя положил перед ним прошение о приёме. Минуту спустя инспектор молча и равнодушно потянул к себе бумагу. Пробежав глазами несколько строк, он вдруг выпрямился и уставился на посетителя водянистыми глазами.

— Вы Ульянов?

— Да.

— Брат казнённого Александра Ульянова?

— Да, родной брат,— ответил Владимир.

Инспектор отложил документ в сторону.

— Уведомим,— сухо процедил он.

Когда Володя закрыл за собой дверь, инспектор Потапов написал на левом верхнем углу только что поданного прошения: «Отсрочить до получения характеристики».

Долго пришлось ждать «уведомления». К концу лета, 13 августа, Владимир Ильич Ульянов был зачислен в списки студентов юридического факультета Казанского университета.

И вот Володя снова в Казани, в канцелярии инспектора. На столе у того лежит характеристика, подписанная директором Симбирской гимназии:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был пер-

вым учеником и при окончании курса награждён золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению».

Недовольно взглянув на характеристику, инспектор достаёт лист бумаги с типографским текстом и протягивает Володе.

— А теперь подпишите обязательство,— хмуро говорит он.

Володя внимательно прочитал текст и быстро подписал. «Обязательство» гласило:

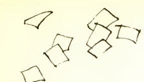
«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как напр. землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства. 2 сентября 1887 года.

Студент Императорского Казанского Университета юридического факультета 1-го семестра Владимир Ильич Ульянов».

Потапов положил подписанный Ульяновым листок в ровную стопку таких же бумажек рядом с кипой донесений о поведении студентов.

«Запрет, наказание, слежка» — таков был девиз инспектора. Он сам признавался в этом, сочиняя очередной доклад попечителю учебного округа: «Из чинов инспекции на гуляниях в Черноозёрском саду бываю или я сам или один из моих помощников. Наводятся справки там, где можно рассчитывать получить их. Служители инспекции бывают всегда там, где более всего бывают студенты».

Но не всегда и не всё удавалось выследить Потапову...



ПЕРВЫЕ ШАГИ

Этот переулок давно назвали Собачьим. С утра до вечера здесь шныряют стаи голодных псов, подбирающих отбросы у ларьков и лабазов Рыбного рынка. Теснятся домишки в кривом переулке. Ночные сторожа перекликаются стуком колотушек. А в одном из домиков, в комнате на чердаке идёт жаркий спор. Здесь собрался тайный революционный кружок студентов. Среди них Владимир Ульянов.

— Единицам царя не свергнуть. Наш путь иной,— заявляет он.

— Какой?

— Победу добудет народ.

— Зреет сила, которая сметёт гнёт,— поддерживают его товарищи.

— Где эта сила?

— В рядах рабочих.

Думают вслух, спорят друзья по борьбе.

Рабочие... Неделю назад грузчики на пристани прекратили работу.

— Шабаш, не дадим драть с нас семь шкур,— неслись их густые голоса.

И на земле, рядом с горами тюков и ящиков, частоколом выросли рукоятки многих носилок, которые грузчики разом сбросили с натруженных спин.

На полтора часа раньше обычного затихли станки на фабрике купца Алафузова.

— Не будем работать! Прибавьте плату! — гудела на дворе толпа.

Из рук в руки переходили листки прокламаций. Их принесли на фабрику студенты. Осип

Португалов, учившийся вместе с Володей, рассказывает в своих воспоминаниях, что Ульянов часто посещал рабочих алафузовской фабрики.

А вскоре в городе появились другие листки — «Приговор студенческого суда». Этот тайный суд гневно заклеймил одного студента из Симбирска, шпионившего за товарищами.

Разосланный по университетским и другим городам России «приговор» оказался в руках жандармов. Они затребовали из Казани образцы почерков самых «неблагонадёжных» студентов — уроженцев Симбирска. Начальство университета назвало четыре имени и среди них Владимира Ульянова. Для снятия образца почерка в Петербург, в департамент полиции, было послано прошение Ульянова о поступлении в университет. То был первый документ, попавший к жандармам, написанный рукой Владимира Ильича. С тех пор до самой Великой Октябрьской революции они охотились за каждой строкой, написанной им.

СХОДКА

Пятое ноября — день торжества, годовщина открытия университета. Но в 1887 году в этот день актовый зал пустовал. Не был в университете и Володя Ульянов. Студенты по-своему отметили юбилей: бурными речами на собраниях, выпуском подпольных листков, эпиграммами на царя.

А 4 декабря в курительной комнате университета собралась большая толпа. Молодёжь о

чём-то горячо шепталась. Читали свежие номера «Волжского вестника» и какие-то листовки.

— В Москве была сходка,— говорили студенты.

— И у нас, наверное, будет.

Ульянов, который находился здесь, ещё с утра точно знал, что сходка будет. Об этом он и его товарищи условились накануне.

«Ещё за два дня до сходки,— писали потом чиновники инспекции об Ульянове,— подавал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего, проводил время в курительной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами; уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вёл себя очень странно. 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору второго этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других».

Студентам было против чего протестовать. Одного за другим исключили целую группу учащихся. Среди исключённых был и Володин земляк Коля Стерлинов. У него отобрали студенческий билет только за то, что служитель инспекции увидел Колю в воскресный день на берегу Волги в красной рубашке.

Прошло не больше трёх месяцев с начала учебного года, а симбирское студенческое землячество похоронило за это время трёх своих товарищей. Они не выдержали муштры и притеснений и покончили с собой.

...Сходка началась ровно в полдень. Около канцелярии инспектора Осип Португалов, хлоп-

Казанский университет, в котором учился Владимир Ульянов

нув в ладоши, крикнул: «Готов!» Студенты бросились к актовому залу. Это было сигналом к началу сходки.

Дорогу им преградил ненавистный инспектор Потапов. Его оттеснили, кто-то даже стукнул его кулаком. Студенты ворвались в зал. Они потребовали к себе ректора и предъявили ему свои требования.

«Собрало нас сюда ни что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности», — писала молодёжь в своей петиции.

Ответ не замедлил последовать: в городе были приведены в боевую готовность полиция и войска.

Студенты ветеринарного института тоже объявили сходку. Они прорвались к университету через солдатскую охрану. Среди них были товарищи Ульянова по подпольному кружку, организовавшему сходки. Несколько дней в центре и на окраинах Казани собирались толпы молодёжи. Студенты приходили к университету и подавали прошения, в которых в знак протеста против существующих порядков заявляли о своём нежелании учиться.

Одним из первых такое прошение подал Владимир Ульянов. Он писал ректору:

«Не признавая возможным продолжать моё образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь... просить... сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов... Казанского Университета».

Декабрьской ночью к полицейскому управлению везли на санях исключённых из университета и арестованных студентов — главных организаторов сходки. Сопровождавший Владимира Ульянова пристав, укоризненно покачивая головой, сказал:

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена!

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — последовал ответ...

...Оля, близкий друг Володи, писала в те дни подруге: «...признаться, в начале декабря мне было и не до писем: ты, верно, слышала, что

здесь были беспорядки в университете, студенты подали петицию, где, между прочим, требовали отмены инспекции; хотя все они были страшно возбуждены и разгорячены, но сдерживались и были вежливы с профессорами; но инспектор вывел их из себя — и его поколотили. За эти беспорядки со студентами обошлись очень сурово (по приказанию министра); всех, заподозренных в участии в беспорядках, арестовали и выслали из Казани (в числе их и моего брата)... Университет закрыт до нового года; ректор, говорят, выйдет в отставку; Ветеринарный институт теперь тоже закрыт...»

Незадолго до того, как Оля писала эти строки, Владимир Ульянов отправился в свою первую ссылку. Крытая кибитка медленно ползла по занесённой снегом Грузинской улице, мимо

Дом-музей В. И. Ленина в Казани

длинного здания военного госпиталя, полосатых будок часовых у городской заставы. В кибитке вместе с Володей ехали в Кокушкино Мария Александровна и маленькая Маняша.

«Был зимний морозный вечер,— вспоминает Мария Ильинична.— Мы едем по городу, упакованные в нашей кибитке, а за нами на городских санках катит какой-то полицейский чин. Я всё время оглядываюсь на него с любопытством. Но вот и городская застава, мы выезжаем в поле, а полицейский повёртывает обратно; он выполнил свою миссию, проводил брата до черты города, а там предоставил ему уже ехать одному».

ПЕРВАЯ ССЫЛКА

Солнце к западу склоняет
Красноватые лучи,
В зимнем сумраке мерцает
Слабый огонёк вдали.
На пригорке деревушка
Открывается глазам,
И убогие лачужки
Раскидались здесь и там.
Нищеты и разрушенья
Вид кругом неё лежит.
И невольно размышленья
Она грустные родит...

Так выглядела зимой 1887 года деревня Кокушкино, такой её описала в стихотворении «Невесёлая картинка» тётя Володи Ульянова Анна Александровна Веретенникова.

Большой ветхий дом пустовал. В нём жили только летом. Володе отвели небольшую комнату во флигеле. Там стояла простая деревянная койка на козлах, покрытая серым байковым одеялом. У окна стоял рабочий стол, несколько стульев. В углу — столярный верстак. К стене была прибита рейка, а за ней — стамески, долото, коловорот и другие инструменты. Любой, кто вошёл бы сюда, мог подумать — тут живёт простой столяр. Только уж очень много книг везде — и на столе, и на верстаке.

«Владимир Ильич много читал,— рассказывает о Владимире Ильиче Анна Ильинична Ульянова,— во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека». Да, Володя очень много читал. А Анна Ильинична перевела несколько рассказов с немецкого и итальянского, послала в детский журнал свою сказку и два стихотворения. Оля изучала шведский язык, она собиралась поступить в Хельсингфорский университет. Тогда в другие русские университеты женщин не принимали.

Володя, как и раньше, присматривался к жизни крестьян. А жизнь эта была очень тяжёлой! Крестьяне ели хлеб из отрубей и желудёвой муки. Всё это вызывало гнев и ненависть в душе Владимира Ульянова. Он ещё был совсем молодым, но царские власти уже чуяли в нём революционера. В то время, когда Владимир Ульянов отбывал свою первую ссылку, жандармы послали в департамент полиции его фотографии, а потом составили список лиц, знакомых с Владимиром Ульяновым. Они предупреждали казанские власти о том, что «необхо-

димо всегда иметь точные и подробные сведения, с кем он ведёт и будет вести переписку».

Жандармы предупреждали:

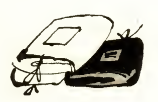
«Состоявший студентом Юридического факультета Императорского Казанского Университета Владимир Ильич Ульянов — брат казнённого по делу 1 марта 1887 года... Ульянова...— принимал и, может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодёжи»...

Так оно и было.

Закроем последнюю папку. Каждая строка документов о Ленине, дошедшая до нас,— драгоценна. Пройдёт много лет, ты станешь взрослым, и кто знает, может быть, ты будешь одним из тех, кто разыскивает, изучает и сохраняет для всех ленинские документы, станешь человеком почётной и нужной профессии — историком-архивистом.

Вот мы и покинули хранилище, где всегда прохладно, как ранней весной, и тихо-тихо, только слышно, как шуршат страницы.

Мы рассказали тебе о некоторых эпизодах детства и юности нашего дорогого Ильича. Чтобы рассказать обо всей его пламенной жизни, нужно написать не одну тысячу таких книжек!



Дорогие ребята!

Очень советуем вам прочитать эти книги, выпущенные издательством „МАЛЫШ“

Крупская Н. К.
„ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН“
Богданов Н. В.
„УЛЫБКА ИЛЬИЧА“
Мишаткин Ю. И.
„ЛЕНИНСКИЙ КАРАНДАШ“
Сборник рассказов
под редакцией А. Г. Кравченко
„ДЕТЯМ О ЛЕНИНЕ“

11 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Юлия Яковлевна Махина
Григорий Ефимович Хаит
МАЛЬЧИК ИЗ СИМБИРСКА
Рисунки В. Гальдяева

Редактор *И. Мазнин*
Художественный редактор *Д. Пчёлкина*
Технический редактор *Е. Соколова*
Корректоры *Н. Сендерова, С. Бланкштейн*
Подписано к печати 10/III-66 г.
Бумага картографич. № 1 $70\times90^1/_{16}$. Печ. л. 3,75.
Уч.-изд. л. 2,52. Усл. п. л. 4,4
Тираж 100 000. Заказ № 1199. Изд. № 1663
Издательство «МАЛЫШ»
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР
Москва, А-55, Бутырский вал, 68

Калининский полиграфкомбинат
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР
г. Калинин, проспект Ленина, 5